

**ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВЕННОЕ
РАЗВИТИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ**

МОСКВА, 2013

УДК 32
ББК 66.3
А 18

Коллектив авторов:

*Аминов С.Р., Авдеева А. А., Валах В. В., Гусев А. В., Кошелева А.И.,
Соловьев А.А., Чердакова Л. А., Уварова Г.Г.*

А 18 Государство и общественное развитие: исторические предпосылки и современные проблемы [монография] — Москва: Издательство Перо, 2013. - 108 с.

ISBN 978-5-91940-635-8

В монографии исследуется широкий круг проблем развития государственного управления, правового и институционального развития, в фокусе взглядов представителей различных областей социогуманитарной, юридической науки как через призму историко-экономических исследований, так и современных тенденций развития общества.

Важное место отводится анализу функционирования политической системы в целом, и ее отдельных элементов. Анализируются проблемы нормативно-правового закрепления методов государственного контроля и правовых отношений в России на современном этапе и в исторической ретроспективе.

Материалы сборника могут быть использованы научными работниками, аспирантами и студентами в научно-исследовательской, учебно-методической и практической работе.

ISBN 978-5-91940-635-8

9 785919 406358

УДК 32
ББК 66.3
© Коллектив авторов, 2013
© НИЦ «Апробация», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
------------------	---

РАЗДЕЛ 1

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В РОССИИ

Глава 1.

Отображение русской идеи в изобразительном искусстве XIX века 7

Глава 2.

Проблемы молодёжи в научной мысли России 1990-2000-х годов..... 17

Глава 3.

Государство и церковь в эру Победоносцева: история симфонии властей или борьбы против подчинения?..... 31

Глава 4.

Чтение как форма досуга крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX века(на примере ярославской губернии) 40

Глава 5.

Проблемы безопасности в историко-культурной ретроспекции 50

РАЗДЕЛ 2

НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Глава 6.

Совершенствование концепции принципа правопреемства в гражданском праве 72

Глава 7.

Муниципальная собственность и право муниципальной собственности: теоретический аспект 85

Глава 8.

Морально-этические и политико-культурные аспекты формирования и реализации политических механизмов парирования рисковенных факторов в современной российской экологической политике 95

Предисловие

Первая глава посвящена анализу изобразительного искусства XIX века в контексте отображения русской идеи. Русская идея по мнению автора в художественной культуре нашла свое воплощение в полотнах народно-бытового, исторического жанров, и жанра сказочно-былинного эпоса.

В главе второй подробно рассматривается развитие научных исследований молодёжи как самостоятельной группы общества, имеющей характерные особенности, определённые возрастом. Значительное повышение научного интереса к молодёжной тематике после 1991 года: появление политологических, социологических, философских, юридических, а также междисциплинарных исследований как общероссийской, так и региональной молодёжной политики и проблематики. Для рассматриваемого периода характерно преобладание исследований девиантного поведения, воспитательной работы старших школьников, появление многочисленных работ по теме молодой семьи. В подавляющем большинстве работ преобладает практико-ориентированный подход – первичное научное освоение опыта работы с молодёжью, практически полностью отсутствуют системные аналитические исследования. Мозаичность, разрозненность и конъюнктурность исследований 1990-2000-х годов стала причиной отсутствия единых подходов к формированию государственной и общественной молодёжной политики, сохраняющихся до сегодняшнего дня.

В третьей главе подвергнута анализу ситуация в период после проведения церковной реформы 1860-1870-х гг. Автор обосновано считает, что эпоха Великих реформ не прошла для Церкви бесследно так как было принято немало полезных мер, создавших базу для последующих церковных реформ. Охранительная политика обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева также не способствовала преодолению сословной замкнутости духовенства и его вовлечению в жизнь общества. Нарождавшееся в России секулярное (т.н. «гражданское») общество требовало более гибких и многообразных форм пастырской деятельности.

В четвертой главе рассматриваются малоисследованные вопросы о чтении крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX века. На примере крестьянского населения Ярославской губернии исследуются пути проникновения книгопечатных изданий на село. Выявляются основные категории сельских читателей, их литературные предпочтения. Показана степень необходимости печатного слова для крестьян. Раскрывается образ типичного деревенского любителя книг, отдававшего предпочтение чтению как одной из форм досуга.

В главе пятой автор в рамках исторического подхода дает оценку обеспечения пожарной безопасности в рамках исторического подхода, базируясь на исторических данных периода Отечественной войны 1812 г.

Изучение исторических событий может осуществляться в нескольких направлениях: обучающем (для передачи знаний окружающим людям), познавательном (обнаружение в историческом описании интересных фактов), философском (анализ происходящих событий). Исторический же подход к изучению происходящего обеспечивает преемственность знаний и формирует межпредметные связи. По мнению автора, анализ различных аспектов пожарной безопасности в Отечественной войне 1812 г. немаловажен, поскольку именно эта война свои самые огромные разрушения перенесла по причине пожаров, через них определился патристический настрой населения, определивший конечную победу русского народа.

В шестой главе отмечается, что одной из наиболее сложных проблем современного гражданского права является отсутствие общей концепции, объясняющей феномен одномоментного перехода совокупности прав и обязанностей от одного лица к другому. Как следствие, практика, постоянно сталкивающаяся с необъяснимыми трудностями, возникающими при реорганизации юридических лиц, цессии, наследовании и пр., не может получить от доктрины эффективных предложений по их решению. На основе научных изысканий и норм действующего законодательства предпринята попытка представить правопреемство в качестве институционального принципа современной цивилистики. Результатом стали конкретные предложения по совершенствованию норм гражданского законодательства.

Глава седьмая посвящена анализу понятия муниципальной собственности, права муниципальной собственности, а также полярность существующих теоретических взглядов на целесообразность выделения муниципальной формы собственности, определяется место данного института в системе права и законодательства. В отсутствие легальной дефиниции автором формулируются определения понятий указанных категорий.

В главе восьмой подробно исследованы основные тенденции, связанные с влиянием на формирование и реализацию политических механизмов парирования рискогенных факторов в современной экологической политике различных политико-культурных и морально-этических аспектов. Их значение обусловлено ростом популярности в мировой политической системе различных партий и транснациональных экологических движений, которые внедряют в мировой политический дискурс морально-этическую и культурную составляющую, трансформируя тем самым поле публичной политики.

Авторский коллектив издания

Глава 1. Аминов Салават Рифгатович - к.культурологии, Сургутский государственный педагогический университет, доцент кафедры философии и социологии

Главы 2 и 4. Гусев Алексей Владимирович, заместитель министра образования Московской области, кандидат исторических наук, г. Москва

Глава 3. Кошелева Алла Игоревна - к.и.н., доцент кафедры ИОГП Пензенского государственного университета, г. Пенза

Глава 5. Авдеева Анастасия Андреевна - Научный сотрудник отдела научно-технической информации, аспирантка Смоленского государственного университета

Глава 6. Валах Виктория Владимировна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин экономико-правового факультета Одесского Национального Университета имени И.И. Мечникова (г.Одесса)

Глава 7. Чердакова Лариса Анатольевна - доцент кафедры гражданского права ВСФ ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия» г.Иркутск

Глава 8. Уварова Галина Геннадьевна - Доцент, кандидат экономических наук,

ЮРИФ РАНХиГС, Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г.Ростов-на-Дону.

ГЛАВА 6

Совершенствование концепции принципа правопреемства в гражданском праве

Многовековое развитие гражданских правоотношений вывело на первый план их имущественную сторону и привело к тому, что субъективное гражданское право и юридическая обязанность могут отделяться от своего носителя и становиться оборотоспособными. Как верно отмечает Б.Б. Черепяхин, с проблемой изменения субъективного состава правоотношений непосредственно связана проблема правопреемства [1, с. 311]. Ведь правопреемство обеспечивает стабильность правоотношений, «отвечает» за существование и динамику последних при изменении субъективного состава, что практически идентично движению гражданского оборота. Сам принцип непрерывности гражданского оборота требует также в определенной степени непрерывности его субъектов. Именно это и обеспечивает правопреемство.

Сегодня в цивилистике под правопреемством принято считать переход субъективных прав и обязанностей от одного лица (правопредшественника) к другому (правопреемнику) [1, с. 79; 2, с. 12; 3, с. 88]. К сожалению, такое понятие отображает лишь внешнюю сторону явления правопреемства, его отдельную часть, тогда как определение понятия должно охватывать саму сущность явления, явление в целом, внутреннюю связь явлений.

Следует отметить, что в современной литературе еще не в достаточной степени разработан вопрос о признаках правопреемства как сущности самого явления преемства. Авторы лишь ограничиваются общими фразами и формулировками. Исключением является выделение признаков наследственного правопреемства как разновидности правопреемства вообще. Очевидно, что по одному частному явлению, познать сущность более широкого и объемлемого не представляется возможным.

Познание сущности идет от явлений путем отсеечения второстепенного, особенного, до выделения *общего*, т.е. того, что является *неизменным* для всех явлений этой совокупности (курсив мой – В.В.). Сущность как общее для всех явлений отображает глубинные связи и отношения. Именно поэтому посредством

выделения признаков правопреемства можно понять сущность этого многогранного явления.

Для полного отображения категории правопреемства в гражданском праве необходимо, прежде всего, определить правовую природу этого явления.

Правопреемство не является правоотношением [5, с. 21], а уж тем более сделкой [6, с. 10; 7, с. 51], ведь оно представляет собой одномоментный акт при наступлении юридического факта либо окончательном накоплении элементов юридического состава. Как верно отмечает Н.Л. Дювернуа, «передача собственности всегда устанавливается с учетом полностью определенного материального основания – это ее естественная, прямо данная природой вещей связь» [8, с. 75].

В порядке правопреемства переходят как права, так и/или обязанности. По мнению О.С. Иоффе, субъективное гражданское право (юридическая обязанность) не может и не способно быть объектом правоотношения [9, с. 33]. Субъективное гражданское право как правовая возможность вместе с юридической обязанностью характеризуют содержание правоотношения, которое не может стать объектом иного правоотношения. Противоположное понимание приводит к существованию права на право. Однако при такой конструкции происходит умаление значения, «статуса» и роли обязательства в системе гражданских правоотношений и, собственно, нарушение системы гражданских правоотношений и гражданско-правового регулирования. Применение к объектам гражданских правоотношений деления вещей на телесные и бестелесные является неоправданным, потому что те же самые римские юристы не отождествляли бестелесные вещи с объектом правоотношения [10, с. 16; 11, с. 121]. Тут следует указать, что объект правоотношения и предмет сделки не являются равнозначными понятиями. Под объектом правоотношений сегодня понимается все то, на что направлены права и обязанности субъектов этих правоотношений (ст. 177 Гражданского кодекса Украины (ГКУ), ст. 128 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ)). Предметом же сделки (укр. – правочину) по действующему законодательству есть действие лица, направленное на приобретение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (ч. 1 ст. 202 ГКУ). При этом, исходя из содержания норм действующего украинского законодательства, «правочин»¹ является более широким понятием, чем соглашение, сделка в собственном узком смысле. И поэтому именно при правопреемстве субъективное гражданское право и/или юридическая обязанность находят свою оборотоспособность, т.е. становятся подвижными, приобретают возможность переходить от одного субъекта к другому.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 512 ГКУ (которая, кстати, не имеет аналогии ни в одном из зарубежных государств), кредитор в обязательстве может быть заменен другим лицом вследствие правопреемства. Отсюда видно, что правопреемство является основанием замены кредитора в обязательстве, т.е., по идее украинского законодателя, оно является юридическим фактом, порождающим такое изменение.

Под юридическими фактами в гражданском праве понимают обстоятельства, вследствие которых возникают, изменяются или прекращаются гражданские правоотношения, с которыми нормативные акты связывают юридические последствия [12, с. 64]. Но такое понятие юридического факта не является достаточно четким и точным, поскольку юридические факты могут влечь за собой

¹ *Правочин* (укр.) – сделка; от «чинити право» – совершать право, делать право, создавать право (посредством своих собственных действий).

последствия, которые не приобретают форму правоотношения [13, с. 75]. Например, в силу акта рождения или создания юридического лица возникает правоспособность, смерть физического лица или ликвидация юридического лица обуславливают прекращение право- и дееспособности и т.п. Таким образом, по мнению О.С. Иоффе, под юридическими фактами следует понимать «те факты, с которыми норма права связывает наступление указанных в ней юридических последствий» [14, с. 65-66].

В общем виде все юридические факты в гражданском праве в зависимости от наличия или отсутствия волевого элемента лица разделяются на действия и события. Ниже нами будет показано, что волевой элемент не является определяющей характеристикой наличия правопреемства. Таким образом, правопреемство не может быть ни действенным, ни событием, т.е. под категорию юридических фактов это явление не попадает. К тому же правопреемство не может иметь место само по себе, без наступления определенных обстоятельств. Представляется, что в рассмотренном случае (при замене кредитора в обязательстве) под правопреемством законодатель имел в виду наследование или реорганизацию юридического лица. Однако и наследование, и реорганизация юридического лица своим основанием имеют совокупность юридических фактов (юридический состав), обуславливающий их наступление. Напрашивается следующий вывод: правопреемство опосредует изменение кредитора путем наследования или реорганизации юридического лица, однако не является его основанием (юридическим фактом). Учитывая сказанное, п. 2 ч. 1 ст. 512 ГКУ требует корректировки со стороны законодателя.

В литературе достаточно часто правопреемство называют либо методом, либо принципом гражданско-правового регулирования (последнее достаточно часто встречается в монографиях по проблемам наследственного права), либо институтом гражданского права. Так чем же является правопреемство в гражданском праве: методом, принципом или его институтом? От решения этого вопроса зависит правильное применение правопреемства к гражданско-правовым отношениям, которые оно опосредует.

Под методом гражданско-правового регулирования понимают способ влияния на поведение участников гражданских правоотношений, основанный на юридическом равенстве, которое признается за участниками правоотношений, на автономии их воли (независимости волеизъявления при вступлении в правоотношения, их изменении или прекращении), а также на имущественной самостоятельности [15, с. 22; 16, с. 371]. Специфика метода гражданско-правового регулирования находит свое проявление, в частности, в том, что субъекты гражданского права, будучи юридически равными, наделены как диспозитивностью, так и инициативой. Именно поэтому гражданскому праву присущ метод децентрализации (координации) [17, с. 16].

Принципы гражданского права (от лат. *principium* – основное, исходящее положение отдельной научной системы, теории, идеологии; основы) – это основные начала, выражающие характерные, коренные черты гражданского права, т.е. его сущность [15, с. 22; 18, с. 21], и имеющие в силу их правового закрепления общеобязательное значение [19, с. 49]. Ведь без принципов невозможно создавать право и совершенствовать правовое регулирование, поскольку непонятным будет его содержание [20, с. 26].

Принципы могут быть как глобальными и такими, которые покоряют целый ряд явлений, очень часто не похожих одно на другое и никаким образом не связанных, так и специфическими, которые свойственны какому-либо одному явлению или их однородной совокупности. Первые относят к отраслевым и меж-

отраслевым, вторые – к институциональным внутри одной отрасли права. В большинстве случаев институциональные принципы не имеют формального выражения, что достаточно усложняет их использование. Это обусловило разнообразие взглядов как на классификацию самих принципов, так и на их конкретизацию. Именно поэтому нормы гражданского права, по нашему мнению, не содержат исчерпывающего перечня ни отраслевых, ни институциональных принципов. По этому поводу следует вспомнить высказывание С.Н. Братуся: «основные принципы любой отрасли права мы должны выявить в самих нормах, составляющих в совокупности данную отрасль; если же там принципы прямо не сформулированы, они должны быть выявлены, исходя из общего содержания норм» [21, с. 50]. Однако эта точка зрения в связи с вышеизложенными обстоятельствами не совсем полная. Относительно формирования принципов права В.М. Семенов в свое время указывал, что главным фактором формирования принципов права является сознательное творчество людей [22, с. 16]. В то же время, как верно отмечает О.Н. Садилов, «любой субъект права должен не привносить в гражданское право «свои» принципы, а соотносить свое поведение с содержанием существующих принципов» [23, с. 20].

Гражданское законодательство достаточно часто оперирует понятием правопреемства, стараясь таким образом урегулировать однородные по содержанию правовые явления – явления, следствием которых является прекращение права и/или обязанности у одного лица и возникновение того же по содержанию права и/или обязанности у другого путем его/их перехода. Это обстоятельство в совокупности с вышеизложенным дает нам возможность говорить о том, что правопреемство в гражданском праве выступает в качестве **институционального принципа**. Такой принцип присущ, например, институтам цессии и наследования.

Под институтом права понимают стойкую и объективно обособленную группу юридических норм, регулирующих однородные общественные отношения, которые входят в состав соответствующей отрасли права [15, с. 31]. В отличие от отрасли права институт права объединяет нормы, регулирующие лишь часть отношений определенного вида [24, с. 231]. Проведя системный анализ норм действующего гражданского законодательства, регулирующих реорганизацию юридических лиц, цессию, наследование, можно сделать следующий вывод: в нормативных актах Украины и России отсутствует гражданско-правовая норма, которая не только бы давала определение понятию правопреемства, но и в полном объеме и всесторонне регулировала *переход* прав и обязанностей от одного лица к другому. В то время, когда понятие «правопреемство» встречается в законодательстве, лишь доктрина (как видим, тоже неоднозначно и достаточно поверхностно) вырабатывает основы, на которых оно базируется. К тому же выше было определено, что правопреемство выступает институциональным принципом гражданского права. И, как верно заметил С.Н. Братусь, «правовой принцип нельзя смешивать с правовым институтом... Если бы принципы и институты были идентичны, тогда и незачем вообще говорить о правовых принципах» [21, с. 50].

Характеризуя правопреемство как институциональный принцип гражданского права, мы определили внешнюю сторону этого явления, его значение для гражданского права в целом. Однако исследование было бы неполным, если бы мы не сделали попытку изучить его изнутри, т.е. определить место правопреемства в структуре механизма гражданско-правового регулирования.

Как было показано выше, правопреемство является оценкой и интерпретацией объективно существующих элементов предмета гражданско-правового ре-

гулирования. Оно отображает категории и понятия, необходимые для толкования и применения определенной совокупности норм гражданского законодательства. Кроме того, ст. 512 ГКУ сформулировала правопреемство в качестве юридического факта, что составило гипотезу соответствующей гражданско-правовой нормы. Все указанное, а также то, что правопреемство является непосредственным отображением объективно сформированных фактических гражданских правоотношений, доказывает, что правопреемство является *гражданско-правовой дефиницией*.

Под дефиницией в гражданском праве понимают краткое определение понятия, отражающее существенные, качественные признаки элементов предмета гражданско-правового регулирования [25, с. 42]. Проблемам определения и структуре гражданско-правовых дефиниций посвящено немало научных работ. Гражданско-правовые дефиниции, закрепленные в статьях закона, приобретают нормативное значение как для участников гражданских правоотношений, так и для правоприменителей. Однако, как верно отмечает Ю.В. Кудрявцев, «не следует отождествлять нормы-дефиниции с гражданско-правовыми дефинициями, поскольку первые играют ведущую роль в системе гражданско-правового регулирования, а вторые лишь носят характер фактического утверждения» [26, с. 63-64].

Законы в континентальном праве (в частности, в Украине и России), как правило, содержат взвешенное количество правовых дефиниций, их нормы сформулированы в достаточно широких и общих фразах, поскольку целью в данном случае является регулирование достаточно широкого круга возможных ситуаций. Примером норм-дефиниций в отечественном праве могут служить нормы, содержащие в себе понятие физического лица, договора и т.д. Впрочем, как видим, такая правовая дефиниция, как правопреемство, не нашла своего законодательного закрепления что составляет большие трудности для ее право-понимания и правоприменения.

Именно неопределенность в правовой литературе признаков и правовой природы правопреемства, по нашему мнению, привела к острым дискуссиям также по поводу возможности правопреемства в любых правоотношениях, о чем уже упоминалось выше. Вернемся еще раз к этой дискуссии с целью всестороннего изучения правовой природы рассматриваемого явления.

Итак, традиционное учение о правопреемстве распространяет его полностью на все правоотношения. Между тем встречаются суждения, которые можно обобщить в три группы. Так, по мнению В.А. Лапача, В.А. Рясенцева и др., правопреемство тесно связано с правом собственности (вещным правом) – «преемство происходит в праве собственности как таковом по воле предшественника и с согласия преемника» [27, с. 91], а поэтому правопреемство является «характерным признаком производных способов приобретения права собственности» [28, с. 6].

В.А. Белов и др., наоборот, считают, что правопреемство возможно лишь в обязательственных правоотношениях. Объясняется это тем, что в вещных правоотношениях, в частности, в отношениях собственности, праву собственника противопоставлена обязанность неопределенного круга лиц, т.е. здесь налицо неопределенность субъективного состава правоотношения. А по содержанию правопреемство не может совершиться, если субъектный состав правоотношения неизвестен, конкретно не определен [10, с. 16].

В советское время такие известные ученые как В.П. Грибанов, И.Л. Брауде высказывали мнение о невозможности правопреемства в правоотношении вообще: в данном случае имеет место одновременное прекращение права соб-

ственности у одного лица и возникновение его у другого [29, с. 387]. Это объяснялось тем, что в то время государственная (социалистическая) форма собственности занимала ведущее место и могла «трансформироваться» в любую иную форму (коллективную, личную), которые по своему содержанию были более узкими [30, с. 61]. Эта концепция была поддана жестокой критике Д.М. Генкиным и Б.Л. Хаскельбергом.

Приведенные точки зрения, без сомнения, имеют право на свое существование ввиду своего достаточно серьезного обоснования. Однако, с учетом исторического аспекта возникновения и становления правопреемства, очевидным является тот факт, что правопреемство впервые нашло свое закрепление именно в обязательственном праве (уступка права требования и перевод долга), а потом распространилось и закрепилось в вещных правоотношениях (правоотношениях собственности). Также, по нашему мнению, отсутствуют достаточные основания для отрицания существования правопреемства как юридического механизма прав и обязанностей от одного лица к другому. Как было показано выше, правопреемство в правах и обязанностях является в большей степени теоретически разработанной категорией, изобретенной учеными-цивилями не только для обеспечения существования и движения гражданских правоотношений, но и для практических потребностей, т.е. для стабилизации гражданского оборота.

Гражданскому правопреемству присущи следующие признаки:

1. К преемнику переходят лишь те права и/или обязанности, которые принадлежали предшественнику. Это правило впервые появилось и нашло свое закрепление в римском частном праве («Nemo plus juris ad alium transferre potest, quam habet»), откуда было реципировано большинством правовых систем современности.

2. Термин «переход прав и обязанностей» характеризуется *одновременной* утратой последних предшественником и приобретением их преемником. Достаточно часто в литературе встречается термин «одним актом», т.е. без передачи каждого отдельного права/обязанности или переписывания обязательства. Именно передача права/обязанности (а не просто его утрата) и преемство этого же права/обязанности другим субъектом определяет производный характер правоприобретения и составляет, по нашему мнению, сущность категории правопреемства.

Традиционно ученые-цивилисты распространяют правопреемство абсолютно на все правоотношения. Одним из факторов такого распространения является слишком широкое понимание правоотношения, что достаточно наглядно проявилось в отношении к праву собственности.

Между тем встречаются мнения об отсутствии, невозможности правопреемства в правоотношениях и о наличии последовательных актов прекращения и возникновения правоотношений, а термины «преемство» и «переход прав и обязанностей» являются правовой фикцией или средством юридической техники, ознаменовывающие появление нового субъекта. В частности нельзя считать правопреемством, например, переход права собственности от продавца к покупателю по договору купли-продажи. В советское время это объяснялось тем, что лица, владеющие разными по форме (виду) правами собственности (что обусловлено абсолютно разными режимами этих форм (видов)), по сути не могут передать их другим, не изменив при этом содержание права собственности. «Четкое разграничение типов и форм права собственности, – указывал В.П. Грибанов, – дает обоснование утверждать, что изменение типа или формы права собственности при купле-продаже не приводит и не может привести к

«переходу» права собственности. В данном случае происходит одновременное *прекращение* права собственности продавца и *возникновение* права собственности у покупателя на приобретенное по договору имущество» [29, с. 287-288].

Таким образом, первые склоняются к утверждению о переходе субъективного вещного права не в порядке пространственного перемещения – передачи, а в силу сохранения правового режима вещи, зависимости права преемника от предшественника на основании закона якобы автоматически. Вторые в своих суждениях отталкиваются от момента передачи вещи и именно поэтому в качестве доводов приводят существование разных форм и видов права собственности. Другими словами, первые рассматривают правопреемство с позиции правопреемников, а вторые – с позиции правопреемников.

По нашему мнению, не следует отождествлять динамику правоотношения и юридические факты, его порождающие. Ведь для перенесения права собственности путем передачи необходимым является наличие воли как отчуждателя, так и приобретателя. Таким образом, следует различать термины «передача» и «правопреемство». Передаче соответствует такой особый акт как правопреемство, которые могут и не совпадать во времени. *Передача относится лишь к вещи, точнее, к фактическому владению вещью* (курсив мой. – В.В.).

Для правопреемства необходимым является элемент тождества. Производное правоприобретение представляет собой осуществление правопредшественником субъективного гражданского права, юридической возможности распоряжения (прекращения или изменения правоотношения). Производное правоприобретение не всегда является правопреемством, но правопреемство всегда является производным правоприобретением.

Существование ограниченных вещных прав, как верно указывает С.В. Тетерин, также не доказывает наличие правопреемства при переходе вещи или изменении носителя субъективного гражданского права на нее [31, с. 35]. При изменении субъекта права собственности (иного вещного права), обремененного вещным правом, последнее не переходит и не прекращается, потому что его управомоченный субъект остается. Изменяется лишь кто-то из неопределенного круга обозначенных лиц, чья правовая личность абсолютна безразлична. В обязательственных правоотношениях, существующих между субъектом ограниченного вещного права и субъектом, который создал такое право, существует «автоматическая» замена лиц благодаря существованию указанного ограниченного вещного права. При изменении носителя ограниченного вещного права оно возникает у нового лица в порядке производного правоприобретения, в том числе как право, дополнительное к его праву собственности (иному вещному праву).

3. При правопреемстве наблюдается *связь* между приобретенными субъективными правами и обязанностями и правоотношениями, в которых находится их носитель – предшественник – с другими лицами, благодаря чему и было возможно их существование. Тут право/обязанность преемника как бы опирается на то право/обязанность, которое существовало у другого лица, как бы происходит от него. Эта связь означает прямую зависимость прав и обязанностей преемника от соответствующих прав и обязанностей предшественника и «составляет предварительное условие приобретения; приобретение зависит от этого права» [32, с. 48].

Некоторые авторы считают, что для производного возникновения права собственности характерной является зависимость возникновения права приобретателя от права предшественника и, как правило, от его воли [33, с. 144]. То есть право собственности приобретается по воле предшествующего собствен-

ника и при согласии нового приобретателя [14, с. 293]. Воля правопредшественника и правопробретателя, как видим, тут выделяется авторами в самостоятельный признак правопреемства. Действительно, в большинстве случаев воля предшественника и приобретателя имеют существенное значение (например, при двусторонних соглашениях). Однако в этих случаях, как мы определились ранее, не всегда имеет место правопреемство. К тому же при наследовании по закону, при законной цессии в странах обычного права и т.д. воля предшественника и приобретателя отсутствует. Указание О.С. Иоффе на замену воли указанных лиц волей законодателя не слишком убедительно, поскольку о воле законодателя речь может идти в случае установления им первичных способов приобретения права собственности (находка, клад и т.п.). Таким образом, третьим признаком правопреемства является *зависимость* прав и обязанностей преемника от соответствующих прав и обязанностей предшественника. При этом волевой момент присутствует при правопреемстве, но не всегда.

4. Правопреемство происходит в *правах и/или обязанностях* правопредшественника. В литературе встречаются мнения о правопреемстве в объектах этих прав – в имуществе (вещах) предшественника [34, с. 41]. Считается, что могут передаваться вещи, а не права, т.к. права и обязанности как категории идеологические не имеют способности перемещаться в пространстве, а потому переходить от одного лица к другому не могут [35, с. 66]. С такой позицией трудно согласиться, ведь с вещью тесно связано право на эту вещь, и это право является неотъемлемой ее составляющей. Невозможно передать вещь, не передав права (или какого-либо из его правомочий) на нее (будь то право собственности или обязательственное право). К тому же, некоторые вещи (в частности, недвижимые) могут переходить без пространственного перемещения. Как верно отмечает Б.Б. Черепяхин, в случае правопреемства «понятие перехода субъективного права и правовой обязанности является специальным правовым понятием» [1, с. 312], или, иными словами, юридической конструкции.

Итак, в порядке правопреемства передача самой вещи может не произойти, но право и/или обязанность на нее в том объеме, который существует у предшественника, переходит к преемнику.

В то же время с распадом СССР проблема тождества объема прав и обязанностей предшественника и преемника в случае правопреемства не исчезла, а приобрела иное содержание. Так, Л.В. Шевчук считает, что существует и такое правопреемство, при котором отсутствует тождество в объеме приобретаемого права и права предшественника [4, с. 152]. Конститутивное (правообразующее) приобретение имеет место, по мнению некоторых ученых, когда предшественник (ауктор) на основании своего права и сохраняя его за собой, устанавливает для приобретателя (сукцессора) иное право, которое в дальнейшем ограничивает права ауктора (например, при установлении права залога, сервитута, заключения договора имущественного найма и т.п.). Это происходит за счет принадлежащего собственнику права владения и распоряжения. Во всех этих случаях «на основе права праводателя («материнского права») у правопробретателя возникает право с иным, более ограниченным содержанием («дочернее право»)» [3, с. 89]. Таков взгляд на конститутивное преемство, на наш взгляд, не имеет достаточного обоснования. Ведь, как верно отмечает В.М. Хвостов, тут нет *successio* (преемства) в его полном понимании, т.е. отсутствует переход права от одного лица к другому. Установленное в пользу сукцессора право не является составной частью права, принадлежащего самому ауктору [36, с. 141]. А передача отдельных правомочий (как элементов субъективного права) не является передачей самого права, что противоречит четвертому признаку, опи-

санному выше. Таким образом, нельзя говорить, что, например, при заключении договора имущественного найма от наймодателя к нанимателю переходят права владения и пользования в порядке правопреемства. Это объясняется тем, что у нанимателя эти правомочия прекращаются лишь временно (на срок действия сделки), а на момент окончания действия договора имеет место «возврат права». Как отмечает Л. Эннеккерус, «поворот права... к отчуждателю не есть преемство» [32, с. 88]. В противоположном случае мы должны были бы говорить о двойном правопреемстве одних и тех же правомочий, что по юридическому содержанию и природе этого понятия невозможно само по себе. В данном случае можно говорить лишь о *предоставлении осуществления права или отдельных его правомочий* (курсив мой. – В.В.).

5. Права и/или обязанности правопреемника переходят в порядке правопреемства к правопреемнику *как одно целое*. В связи с этим преемник не требует для приобретения каждого отдельного права/обязанности при наличии тех условий, которые необходимы для приобретения каждого отдельного права/обязанности (передача вещи, получение правоустанавливающих документов на каждую вещь отдельно и др.).

Исследовав правовую природу явления правопреемства и выделив характерные признаки, можно дать ему следующее определение. Под **правопреемством** в гражданском праве следует понимать переход прав и/или обязанностей от одного лица, которому эти права и/или обязанности принадлежали (правопреемственника, ауктора), к другому (правопреемнику, сукцессору) в полном объеме путем одновременной утраты их правопреемственником и приобретение их правопреемником.

От понятия «правопреемство» следует отличать понятие «преемство в праве» (сукцессия). Последнее характеризуется более узким содержанием, т.е. по сукцессии переходит лишь право (совокупность прав) или обязанность (совокупность обязанностей). Как указывает В. Нечаев, «передача тут осуществляется в виде уступки отдельных прав и обязанностей (права собственности, требований по обязательствам, искам)» [37].

Поскольку при правопреемстве обычно имеет место переход прав и/или обязанностей от одного лица к другому, такое правопреемство принято называть *транслятивным*, т.е. переносящим права и обязанности [1, с. 317; 35, с. 66]. В этом случае преемник приобретает те же самые права и обязанности (со всеми прилежащими к ним правами и обязанностями), которые принадлежали преемственнику. Подобное имеет место, например, при уступке права требования.

Вместе с тем, рассматривая понятие правопреемства в широком понимании (при этом не указывается содержание такого понимания), некоторые авторы выделяют также конститутивное (от лат. *constituere* – устанавливать, определять) правопреемство. В отечественной цивилистике понятие транслятивного и конститутивного правопреемства было развито Б.Б. Черепахиным. Ученый считал, что помимо транслятивного правопреемства, обеспечивающего тождественность не только объекта, но и самого переходящего права, существует также производное правопреемство, имеющее место из-за отсутствия тождественности приобретаемого права с правом преемственника [1, с. 319-320].

Развивая выдвинутую Б.Б. Черепахиным теорию, некоторые ученые все-таки различают два вида правопреемства – транслятивное и конститутивное. Так, Д. Новиков считает, что в договоре об установлении режима общей долевой собственности на имущество, которое полностью принадлежит собственнику, в результате вступления в правоотношение собственности другого лица

последнее приобретает право, которое не тождественно по содержанию праву отчуждателя. Иными словами, имеет место правопреемство не транслятивное, а конститутивное [38]. В свою очередь, А. Гросс считает, что распоряжением вещью будет первичное создание вещного права (конститутивное правопреемство), а уступка уже существующего ограниченного вещного права будет уже распоряжением только им (вещным правом) самим [39, с. 32]. К случаям конститутивного правопреемства также относят установление на недвижимую вещь прав, ранее не существовавших (права оперативного управления, сервитута, залога, пожизненного управления и т.п.). Основанием для такого разграничения указанные авторы считают наличие волевого характера правоприобретения. Так, вновь созданное дочернее право возникает только тогда, когда существовало материнское право, лишь в пределах последнего и лишь воле правопреемственника [40, с. 78]. Однако волевой характер, как неоднократно указывалось выше, не является определяющим признаком правопреемства, т.к. последнее может происходить и вне воли предшественника.

Сторонники такой теории объясняют существование конститутивного правопреемства также тем, что в римском праве существовала так называемая конститутивная сукцессия. В случае возникновения ограниченного вещного права собственник передавал субъекту такого же права лишь часть своих правомочий (обязанностей) [41, с. 71].

Считаем, что указанная теория имеет ряд недостатков. В данном случае имеет место не передача права от правопреемственника к преемнику (хоть бы оно и более «слабое»), а предоставление осуществления права или отдельных его правомочий. Здесь отсутствует *переход* правомочий собственника права (курсив мой. – В.В.). Если же допустить такую возможность, то в будущем, когда правомочия возвращались бы к собственнику права, мы должны были бы считать, что имеет место правопреемство, что недопустимо. Такую теорию реститутивного правопреемства в свое время выдвинул немецкий цивилист Конрад Гельвиг в своей работе «Wesen und subjektive Begrenzung der Rechtskraft» [42]. Однако реститутивное преемство также нельзя считать разновидностью правопреемства вообще, т.к. при нем отсутствует переход права и не изменяется субъективный состав правоотношения.

В указанной работе К. Гельвиг пошел далее, обосновав наличие правопреемства и в том случае, когда происходит приобретение права при завладении бесхозной вещи после отказа от нее предыдущего собственника. Это он объясняет тем, что правоприобретение тут базируется на воле предыдущего собственника, которая нашла свое проявление в отказе от вещи [42, р. 281-285]. Достаточно трудно представить, каким образом можно увидеть правопреемство от лица, которое своим волевым актом (фактическим распоряжением вещью) избавилось от этой вещи, не предоставляя право собственности на нее любому другому лицу. Таким образом, приобретаемое право – это не старое, а новое право собственности, которое связано со старым лишь единством объекта. Тем самым ни конститутивное, ни реститутивное «правопреемство» не имеют никаких оснований считать их именно правопреемством в полном понимании этого термина. Именно поэтому достаточно удачным следует считать понятие *конститутивного правоприобретения*, при котором собственник на основании своего права, сохраняя его за собой, устанавливает или предоставляет управомоченному лицу осуществление права или отдельных его правомочий. При этом собственник становится ограниченным в осуществлении своего права до тех пор, пока управомоченное лицо осуществляет это право или отдельные его правомочия.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что в гражданском обороте существуют два правовых явления – правопреемство и правоприобретение, не являющиеся тождественными. В правопреемстве акцент ставится именно на процесс перехода прав и/или обязанностей от одного лица к другому, а в правоприобретении нас интересует лишь его правомерный, основанный на законных основаниях результат – приобретение права (правомочия).

Исследуя правовую природу правопреемства, дав ему определение и выделив основные признаки этого явления, предлагается внести соответствующие дополнения в действующее гражданское законодательство. В частности, Гражданские кодексы Украины и РФ следует дополнить статьей «Гражданское правопреемство», в которых дать гражданско-правовую дефиницию правопреемства: «Правопреемством является переход прав и(или) обязанностей от одного лица, которому эти права и(или) обязанности принадлежали (правопреемственника), к другому лицу (правопреемнику) в полном объеме путем одновременной их утраты правопреемственником и приобретения преемником». Такая нормативная дефиниция должна, по нашему убеждению, найти свое место в Общих положениях Гражданских кодексов обеих стран – статья 3-1 ГКУ и статья 1-1 ГК РФ.

Считаем, что наличие нормативного определения понятия гражданского правопреемства на уровне закона поможет правильно и своевременно применять правопреемство как институциональный принцип в гражданском обороте. К тому же такая достаточно краткая и полная гражданско-правовая дефиниция предоставит возможность как теоретикам, так и практикам применять принцип правопреемства не только применительно к гражданским отношениям, но и, например, гражданским процессуальным, хозяйственным процессуальным и т.п. Ведь бесспорным является тот факт, что процессуальное законодательство неразрывно связано с материальным (в данном случае – с гражданско-правовым).

Список литературы:

1. Черепакин Б. Б. *Труды по гражданскому праву [Текст] / Б. Б. Черепакин ; ред. кол.: С. М. Корнеев, Е. В. Кулагина, Н. В. Козлова, П. А. Панкратов. – М. : Статут, 2001. – 479 с. - («Классика российской цивилистики»).*
2. Мельцов А. В. *Наследственное правопреемство в современном российском праве [Текст] : дисс. ... канд. юрид. наук. : 12. 00. 03. / А. В. Мельцов. – М., 2006. – 174 с.*
3. Строк С. В. *Правопреемство в порядке наследования [Текст] : дисс. ... канд. юрид. наук. : 12. 00. 03. / С. В. Строк. – М., 2005. – 185 с.*
4. Шевчук Л. В. *Заповіт як підстава виникнення правонаступництва в цивільному праві України [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.03 / Л. В. Шевчук. – К., 2001. – 223 с.*
5. Кожевина Е. В. *Наследственное правопреемство [Текст] : дисс. ... канд. юрид. наук. : 12. 00. 03. / Е. В. Кожевина. – Екатеринбург, 2005. – 189 с.*
6. Зыкова И.В. *Юридические лица: создание, реорганизация, ликвидация [Текст] / И.В. Зыкова. - М.: Осъ-89, 2005. – 187 с.*
7. Архипов Б.П. *Юридическая природа фактического состава, опосредующего реорганизацию акционерного общества [Текст] / Б.П. Архипов // Законодательство. - 2002. - № 3. – С. 46-55.*
8. Дювернуа Н. Л. *Чтения по гражданскому праву [Текст] / Н. Л. Дювернуа; Под ред., с предисл.: Томсинов В.А. – М. : Зерцало, 2004. – Т. 1 : Введение. Учение о лице. – 568 с. («Русское юридическое наследие»).*
9. Иоффе О. С. *Гражданские правоотношения [Текст] / О. С. Иоффе // Иоффе О. С. Избранные труды : в 4 т. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – Т. I. – 574 с.*

10. Белов В. А. Сингулярное правопреемство в обязательстве : опыт исторического исследования, теоретической и догматической конструкции и обобщения российской судебной практики [Текст] / В. А. Белов. – 2-е изд., стереотип. – М. : ЮриИнфоР, 2001. – 288 с.
11. Орач С. М. Основы римского частного права [Текст]: курс лекций / С. М. Орач, Б. Й. Тицик – К. : Юриком Интер, 2000. – 272 с.
12. Гражданское право [Текст]: Учебник. В 4-х т. / Отв. ред. Е.А. Суханов; Моск. гос. ун-т им.М.В. Ломоносова. - 3-е изд.; перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2006. – Т.1. Общая часть. – 670 с. - («Классический университетский учебник»).
13. Иоффе О. С. Вопросы теории права [Текст] / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – М. : Юрид. лит., 1961. – 380 с.
14. Иоффе О. С. Советское гражданское право [Текст] / О. С. Иоффе. - М.: Юрид. лит., 1967. - 494 с.
15. Цивільне право України : підручник [Текст] : у 2 т. / за заг. ред. В. І. Борисової, І. В. Спасибо-Фатєєвої, В. Л. Яроцького. – К. : Юриком Інтер, 2004. - Т.1.– 480 с.
16. Яковлев В. Ф. К проблеме гражданско-правового метода регулирования общественных отношений [Текст] / В. Ф. Яковлев // Антология уральской цивилистики, 1925-1989. – М., 2001. – С. 370-389.
17. Гонгало Б. М. Предмет гражданского права [Текст] / Б. М. Гонгало // Проблемы теории гражданского права. Институт частного права. – М. : Статут, 2003. – С. 3-23.
18. Заїка Ю. О. Спадкове право в Україні : становлення і розвиток [Текст] : монографія / Ю. О. Заїка. – 2-е вид. – К. : КНТ, 2007. – 288 с.
19. Толстой Ю. К. Принципы гражданского права [Текст] / Ю. К. Толстой // Изв. высш. учеб. заведений. – 1992. – № 2. – С. 49-53.
20. Свердлык Г. А. Принципы гражданского права [Текст] / Е.П. Губин, З.М.. Фаткудинов, Г.А. Свердлык. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 200 с.
21. Братусь С. Н. Принципы советского гражданского права [Текст] / С. Н. Братусь // Изд-во высш. уч. заведений. – 1960. – № 1. – С.47-52.
22. Семенов В. М. Принципы советского социалистического общенародного права [Текст] / В. М. Семенов // Изв. высш. учеб. заведений. – 1964. – № 1. – С. 16-26.
23. Садиков О. Н. Принципы нового гражданского законодательства СССР [Текст] / О. Н. Садиков // Советское государство и право. – 1991. – № 10. – С. 20-29.
24. Большой юридический словарь [Текст] / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Инфра-М, 2002. – 704 с.
25. Москаленко И. В. Методологические основы исследования функций гражданско-правовых дефиниций [Текст] / И. В. Москаленко // Юридический мир. – 2003. – № 2. – С. 41-43.
26. Кудрявцев Ю. В. Нормы права как социальная информация [Текст] / Ю. В. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит., 1981. – 144 с.
27. Лапач В. А. Субъективные гражданские права и основания их возникновения [Текст] / В. А. Лапач // Журнал российского права. – 2001. – №10. – С. 90-106.
28. Рясенцев В. А. Наследование по закону и по завещанию в СССР [Текст] / В. А. Рясенцев. – М. : Знание, 1972. – 48 с.
29. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав [Текст] / В. П. Грибанов. – М. : Статут, 2001. – 411 с. – («Классика российской цивилистики»).
30. Брауде, И.П. Право на строение и сделки со строениями [Текст] / И.П. Брауде. - Изд. 2-е, исправ. и доп. - М.: Госюриздат, 1954. – 143 с.
31. Тетерин С. В. Некоторые аспекты понятия «правопреемство» [Текст] / С. В. Тетерин // Академический юридический журнал. – 2003. – № 3 (13). - С. 33-36.
32. Эннексерус Л. Курс германского гражданского права: Введение и общая часть [Текст] / Эннексерус Л. / Перевод с нем.; Под ред., с предисл.: Генкин Д.М., Новицкий И.Б. (Пер.) - М.: Иностр. лит., 1950. - Т. 1: Полут. 2. - 483 с.

33. Рясенцев В. А. [Рецензия] [Текст] / В. А. Рясенцев // Советское государство и право. – 1956. – № 4. – С. 144. – Рец. на кн. : Советское наследственное право / Б. С. Антимонов, К. А. Граве. – М. : Госюриздат, 1955. – С. 142-146.
34. Серебровский В. И. Очерки советского наследственного права [Текст] / В. И. Серебровский. – М. : АН СССР, 1953. – 240 с.
35. Грибанов В. П. Правовые последствия перехода имущества по договору купли-продажи в советском гражданском праве [Текст] / В. П. Грибанов // Советское государство и право. – 1955. – № 8. – С. 64-73.
36. Хвостов В. М. Система римского права [Текст] : учебник / В. М. Хвостов; ; авт. предисл.: Е. А. Суханов, В. А. Томсинов. – М. : Спарк, 1996. – 522 с.
37. Нечаев В. М. Преемство в праве [Текст] / В. М. Нечаев // Ф. А Брокгауз, И. А. Ефрон Энциклопедический словарь. – Спб., 1898. – Т. 23. – С.47.
38. Новиков К. Можно ли заложить ранее не существовавшую долю в праве собственности на объект недвижимости? [Электронный ресурс] / К.Новиков. – Электрон. дан. (1 файл). – Режим доступа: [http:// www.balfort.com](http://www.balfort.com). – Заглавие с домашней страницы Интернета.
39. Грось А. Защита вещных прав наследника на недвижимое имущество [Текст] / А. Грось // Российская юстиция. – 2000. – № 8. – С. 30-43.
40. Кот О. О. Перехід прав кредитора до третіх осіб в цивільному праві України [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – К., 2002. – 187 с.
41. Барон Ю. Система римского гражданского права : в 6 кн. [Текст] / Ю. Барон. – М. : Юрид. центр Пресс, 2005. – Кн. 1. – 1100 с.
42. Hellwig K. Wesen und subjektive Begrenzung der Rechtskraft [Text] / K. Hellwig. – Leipzig, 1901. – 354 s.